

Памяти профессора С. И. Смирнова.

Съ С. И. Смирновымъ я видѣлся въ послѣдній разъ 18 мая текущаго года. Онъ, правда, жаловася на нездоровье; но ничто не внушало мысли, что это наше свиданіе окажется послѣднимъ. Мы говорили о текущихъ событіяхъ и строили планы на будущее. Совсѣмъ нельзя было предвидѣть, что его недугъ получить такое опасное развитіе, что роковая развязка наступитъ столь быстро и что смерть такъ внезапно разорветъ узы, связывавшія Сергѣя Ивановича съ людьми, которые его цѣнили и для которыхъ онъ былъ дорогъ. Мы твердо знаемъ, что всѣ мы подлежимъ смерти, что днямъ нашимъ положенъ предѣлъ, что часы наши сочтены и что каждая наша встрѣча можетъ стать послѣдней; но зная это, мы рѣдко о такомъ значеніи нашихъ встрѣчъ думаемъ. Какъ бережно мы бы относились другъ къ другу, если бы помнили объ этомъ яснѣ!

Мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о покойномъ Сергѣѣ Ивановичѣ, какъ объ ученомъ; но я вовсе не думаю въ очеркъ, составляемомъ для очередной книжки журнала, дать полную, исчерпывающую характеристику его ученой дѣятельности, его ученыхъ трудовъ, подвести заключительный итогъ его работъ. Пока не угасло чувство утраты, трудно оторваться отъ личности умершаго и говорить только о его взглядахъ и о книгахъ, держась въ рамкахъ отвлеченной объективной оцѣнки имъ сдѣланнаго. При томъ Сергѣй Ивановичъ умеръ въ такую пору своей жизни, когда какое либо подведеніе итоговъ его дѣятельности было еще слишкомъ преждевременнымъ, и моя мысль застигнута врасплохъ и не подготовлена къ такой работѣ. При мысли о немъ живомъ думалось не о подведеніи какихъ либо итоговъ, а о томъ, что онъ могъ бы еще сдѣлать. Его жизнь оборвалась,

какъ недописанная книга, остановившаяся на серединѣ положенія, далеко не доведенная до заключительной главы. Его работа прекратилась на полномъ ходу. Для ученаго, подготовка котораго отнимаетъ почти четверть вѣка, умереть на 46 году отъ роду слишкомъ рано. Не исчерпывающую оцѣнку трудовъ Сергѣя Ивановича хотѣлось бы мнѣ дать, а лишь подъ влияніемъ чувства утраты подѣлиться сложившимся у меня представленіемъ о Сергѣѣ Ивановичѣ, какъ объ ученомъ, и своими воспоминаніями о немъ.

Значеніе ученой дѣятельности С. И. Смирнова прежде всего, конечно, опредѣлялось его собственнымъ, даннымъ ему отъ Бога талантомъ, который не зарытъ былъ имъ въ землю, а пущенъ въ плодоносный оборотъ. Это былъ умный, трудолюбивый и одушевленный любовью къ знанію человѣкъ. Но при всемъ его собственномъ дарованіи нельзя было не видѣть на немъ влиянія его учителей; по крайней мѣрѣ мнѣ оно всегда представлялось замѣтнымъ. Сергѣй Ивановичъ прошелъ завидную историческую школу; ему на долю выпало счастье быть ученикомъ двухъ знаменитыхъ русскихъ историковъ: Е. Е. Голубинскаго и В. О. Ключевскаго. Прохождение такой школы не могло остаться безслѣднымъ.

Голубинскій былъ для него живымъ примѣромъ высокаго научнаго подвига. Суровый отшельникъ, отрѣшившійся отъ міра, затворникъ на долгую жизнь въ четырехъ стѣнахъ своего заваленнаго книгами кабинета, неутомимый и неустрашимый изыскатель, онъ пытливымъ, вооруженнымъ острою критикою взоромъ проникалъ въ темную глубину изслѣдуемаго вопроса и старался проникнуть туда до возможныхъ для человѣческаго знанія предѣловъ, не будучи въ состояніи успокоиться, пока интересовавшій его предметъ не былъ исчерпанъ до конца. Только тогда онъ рѣшался печатно высказываться, и понятно, какимъ авторитетомъ пользовалось его основанное на громадной эрудиціи и добросовѣстное слово.

Ключевскій, когда Сергѣй Ивановичъ слушалъ его лекціи, былъ на высотѣ своей всероссійской славы. Онъ очаровывалъ и увлекалъ своимъ знаменитымъ курсомъ, широкія и стройныя схемы котораго становились прочнымъ и цѣннымъ достояніемъ аудиторіи, уносившей съ его лекцій цѣльный, продуманный взглядъ на русское прошлое и художественное

наслажденіе, вызываемое несравненнымъ талантомъ профессора. Но если большая аудиторія увлекалась широкими и послѣдовательными обобщеніями Ключевскаго и восхищалась художественными образами его лекцій, то для тѣхъ, кто имѣлъ случай подойти къ нему ближе, открывалась въ немъ и другая сторона его дарованія—даръ изслѣдователя, способнаго предпринимать и терпѣливо доводить до конца утомительныя, подчасъ микроскопическія изысканія для рѣшенія того или иного поставленнаго имъ вопроса.

Сергѣй Ивановичъ сталъ близокъ къ обоимъ историкамъ еще на студенческой скамьѣ, и затѣмъ, взойдя съ этой скамьи на академическую кафедру, онъ поддерживалъ тѣсныя дружественныя связи съ обоими до конца ихъ дней. Голубинскій, въ послѣдніе тяжелые годы своей жизни, когда потеря зрѣнія лишила его возможности работать, диктовалъ приходившему его навѣщать Сергѣю Ивановичу свои воспоминанія. О Ключевскомъ Сергѣй Ивановичъ никогда не могъ говорить спокойно, безъ чувства какого то особаго благоговѣнія, и когда больной уже не задолго до смерти онъ узналъ, что ректоръ Московскаго университета, говоря съ профессоромъ, положившимъ его въ свою клинику, назвалъ его „любимцемъ Ключевскаго“, онъ не смогъ удержаться отъ рыданій.

Изъ двухъ историковъ, въ школѣ которыхъ Сергѣй Ивановичъ получилъ воспитаніе, чье вліяніе надо признать сильнѣе и замѣтнѣе? Мнѣ думается, что все же первенство надо отдать Ключевскому. Историческое мировоззрѣніе Сергѣя Ивановича сложилось подъ дѣйствіемъ курса Ключевскаго, и его представленія объ общемъ ходѣ русскаго историческаго процесса носили на себѣ печать этого курса. Вліяніе Ключевскаго сказалось и въ руководствѣ первыми самостоятельными учеными шагами Сергѣя Ивановича; у него Сергѣй Ивановичъ писалъ кандидатское сочиненіе, взявъ темой вопросъ изъ той области, которою такъ сильно интересовался и въ которой такъ много поработалъ самъ Ключевскій. Извѣстно что Ключевскаго особенно занимали историческія судьбы русскихъ несвободныхъ состояній. Его „Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи“—одно изъ самыхъ цѣнныхъ и обильныхъ результатами изслѣдованій, вызвавшее цѣлый переворотъ въ изученіи вопроса: не менѣе важны

также и соприкасающіяся съ этимъ изслѣдованіемъ его работы по исторіи холопства — „Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи“. Изъ круга этихъ вопросовъ и вышла взятая Сергѣемъ Ивановичемъ кандидатская тема: „Рабство въ древней Руси и отношеніе къ нему Церкви“. Къ вопросу объ отношеніи Церкви къ рабовладѣнію и о ея смягчающемъ вліяніи на холопство въ Россіи Ключескій и самъ близко подходилъ въ своихъ упомянутыхъ статьяхъ, а также въ своей актовой рѣчи въ Академіи, произнесенной въ 1888 г.: „Содѣйствіе церкви услѣхамъ русскаго гражданскаго права и порядка“. Такъ, работая надъ кандидатскимъ сочиненіемъ, талантливый ученикъ вступилъ въ сферу научныхъ интересовъ учителя. Кандидатское сочиненіе, первое ученое произведеніе Сергѣя Ивановича, стоившее ему немалого труда, окончено было съ успѣхомъ и увѣнчано было высокою наградой—похвалой Ключевского, и нетрудно себѣ представить, какъ лестно было ему читать въ отзывѣ учителя о его работѣ слѣдующія строки: „Авторъ вставилъ свою задачу въ очень широкія рамки, предпринявъ изложить исторію древнерусскаго рабства въ связи не только съ движеніемъ русскаго права и юридическаго сознанія, но и со всѣмъ складомъ быта древней Руси. Такая постановка задачи вынуждала автора, по его собственному признанію, попутно довольно подробно останавливаться на нелегкихъ вопросахъ нашей начальной исторіи. Такъ, излагая въ первыхъ четырехъ главахъ своего значительнаго по объему труда происхождение, первоначальную юридическую выработку и географическое распространеніе рабства въ языческой Руси, авторъ старается обстоятельно изобразить юридическій строй жизни русскихъ славянъ, внимательно останавливается на вопросѣ объ ихъ родовомъ бытѣ, разбираетъ извѣстія объ ихъ экономическомъ положеніи и внѣшнихъ международныхъ отношеніяхъ. Въ четырехъ остальныхъ главахъ, переходя ко второй важнѣйшей части своей задачи, авторъ описываетъ вліяніе принесенныхъ изъ Византіи началъ греко-римскаго права и христіанскаго ученія на русское рабство, какъ оно сложилось ко времени принятія христіанства Русью. По связи съ этими вопросами авторъ въ V главѣ вслѣдъ за ученіемъ Евангелія о рабствѣ, въ сжатыхъ, но обстоятельныхъ очеркахъ излагаетъ при пособіи Валлона вытекающій изъ этого ученія

взглядъ отцовъ Церкви на рабство, а потомъ при помощи непосредственнаго изученія памятниковъ византійскаго права—законодательство византійскихъ императоровъ о рабствѣ. Эти вводные очерки помогли автору шире и яснѣе взглянуть на главный предметъ изслѣдованія“.

„Авторъ дѣлитъ исторію русскаго рабства на два неравные періода. Первый періодъ продолжается у него до конца XV вѣка: это—время полнаго рабства, „рабства въ собственномъ смыслѣ слова“. Тогда Церковь только еще готовила тѣ смягченія, которыя потомъ при ея участіи были внесены въ этотъ институтъ. Второй періодъ—два вѣка съ небольшимъ (конецъ XV—начало XVIII в.), это — время смягченія рабства, „исторія холопства“. Авторъ сосредоточилъ свое вниманіе на первомъ періодѣ; но изложенный имъ во введеніи общій взглядъ на исторію древнерусскаго холопства показываетъ, что онъ обдумывалъ и дальнѣйшую судьбу этого учрежденія, собирая матеріалы для изученія второго періода его исторіи. Вліяніе Церкви на переработку холопства въ продолженіе перваго періода изображено авторомъ очень подробно и большею частью основательно. Онъ мѣтко различилъ вліяніе принесеннаго византійскимъ духовенствомъ на Русь греко-римскаго права и вліяніе нравственнаго ученія Церкви на русское рабство: первое вліяніе усиливало юридическую суровость холопей неволи, второе смягчало ее въ жизни и въ правѣ. Излагая ходъ этого дѣла, авторъ съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдилъ за возвышающимъ дѣйствіемъ Церкви на уровень общественнаго сознанія и порядка и старался не проронить никакого историческаго указанія, отсутствіе котораго могло бы затемнить или умалить это дѣйствіе. Въ объясненіи сложныхъ явленій, подлежащихъ изслѣдованію, авторъ при выдающейся любознательности и напряженности мысли обнаружилъ основательное знакомство съ разнообразными источниками исторіи, преимущественно церковной, равно какъ и съ научными пособиями даже по смежнымъ съ церковной исторіей отраслямъ знанія“. Всегда полезно припоминать золотыя слова Ключевскаго; но въ настоящемъ случаѣ особенно важно обратить вниманіе на заключительныя строки отзыва: „Разсматриваемый трудъ“, читаемъ мы въ нихъ, „не свободенъ отъ сдѣланныхъ поспѣшно выводовъ и обобщеній; но вообще въ немъ особенно явственно

выступает способность автора вникать въ сущность изучаемаго предмета, разбирать происхожденіе, составъ, условія развитія и слѣдствія изучаемаго историческаго явленія. Ко всему этому надобно присоединить живое, ясное и большею частью точное изложеніе, нерѣдко обнаруживающее признаки литературнаго таланта“¹⁾).

Геніальный учитель ясно увидѣлъ и по своему обыкновенію отчетливо выразилъ основныя свойства дарованій ученика: способность вникать въ сущность изучаемаго предмета, способность всесторонне изслѣдовать историческое явленіе, разобравъ его происхожденіе, составъ, условія развитія и слѣдствія, живость изложенія, ясность и точность въ передачѣ мысли, свойства, которыя дали поводъ Ключевскому говорить объ обнаруженіяхъ въ сочиненіи Сергѣя Ивановича признакахъ литературнаго таланта. Признаюсь, что я не безъ волненія прочелъ теперь эти заключительныя строки доселѣ бывшаго для меня неизвѣстнымъ отзыва Ключевского о первомъ научномъ трудѣ Сергѣя Ивановича. Мнѣ пришлось быть официальнымъ рецензентомъ его послѣдняго большого ученаго труда, составляя отзывъ о его докторской диссертациі. Въ характеристикѣ, которую я долженъ былъ дать этой диссертациі, указываются, разумѣется, далеко не въ такой же изящной формѣ, но по сути дѣла именно тѣ самыя свойства дарованія Сергѣя Ивановича, которыя были уже указаны въ приведенномъ отзывѣ о кандидатской работѣ. Это совпаденіе меня глубоко удовлетворило и еще болѣе утвердило теперь, по прочтеніи отзыва Ключевского, въ мнѣніи о книгѣ Сергѣя Ивановича, высказанномъ мною въ 1914 г. Талантъ Сергѣя Ивановича на протяжении времени отъ кандидатской диссертациі до докторской разцвѣлъ пышнымъ цвѣтомъ, но основныя его свойства оставались тѣ же, какія были указаны Ключевскимъ.

Кандидатское сочиненіе Сергѣя Ивановича не было выпущено въ свѣтъ, не было напечатано. Но мнѣ пришлось познакомиться съ его содержаніемъ окольнымъ, такъ сказать, путемъ. Мнѣ случилось быть однажды ассистентомъ на экзаменѣ у Сергѣя Ивановича по исторіи русской церкви. Среди выслушанныхъ мною студенческихъ отвѣтовъ меня особенно

¹⁾ Журналы Совѣта М. Д. А. 1895 г., 160.

поразили отвѣты нѣсколькихъ студентовъ, которымъ доставался вопросъ о вліяніи Церкви на рабство въ древней Руси. Этотъ отдѣлъ или параграфъ курса излагался экзаменуемымъ съ особенной полнотой и точностью. Я услышалъ при этомъ немало соображеній, новыхъ и оригинальныхъ, и не могъ припомнить, чтобы я гдѣ либо ихъ встрѣчалъ въ существующей литературѣ. Послѣ экзамена я сообщилъ свое впечатлѣвіе Сергѣю Ивановичу, выражая удивленіе, почему отвѣты о холодствѣ такъ выдаются среди другихъ. Сергѣй Ивановичъ принужденъ былъ объяснить мнѣ причину. Въ изложеніи этого отдѣла вошли основныя части его кандидатской работы, которая онъ и излагалъ слушателямъ на лекціяхъ. Я тогда же получилъ высокое представленіе о достоинствахъ этой работы, которое и подтверждается теперь ознакомленіемъ съ отзывомъ Ключевского.

Въ нашихъ академіяхъ все болѣе укореняется обычай — кандидатскія сочиненія— правда, въ большинствѣ случаевъ основательныя и добросовѣстные труды — обращать посредствомъ исправленій и дополненій въ магистерскія диссертации, что позволяетъ шагать почти сразу на двѣ ступени при восхожденіи по лѣстницѣ ученыхъ степеней. Сергѣй Ивановичъ этому удобному приему не послѣдовалъ. Почему? Очевидно, по той скромности, которою онъ такъ отличался, потому, что самъ онъ хорошо сознавалъ и, какъ это всегда свойственно талантливымъ и скромнымъ людямъ, вѣроятно даже и преувеличивалъ недостатки своей работы и не считалъ ее пригодной для магистерской диссертации, предъявляя къ послѣдней болѣе строгія требованія. Поэтому его кандидатское сочиненіе осталось въ рукописи, и онъ привялся за другую работу. Это замедлило его служебную карьеру и было невыгодно для него въ матеріальномъ отношеніи; но для Сергѣя Ивановича научныя интересы стояли неизмѣримо выше карьеры и матеріальныхъ благъ; о нихъ онъ совершенно не заботился; видимо, цѣнилъ свое движеніе только какъ ученое движеніе и хотѣлъ каждый шагъ впередъ дѣлать съ новою полноувѣсною книгою въ рукахъ. Его внѣшнее служебное движеніе протекало очень медленно и высшаго, возможнаго для академическаго преподавателя положенія, званія ординарнаго профессора, онъ достигъ всего только за годъ до смерти. Втеченіе 9 послѣднихъ лѣтъ онъ состоялъ

привать-доцентомъ Московскаго Университета, читая свой предметъ довольно полной аудиторіи Историко-Филологическаго факультета, и это преподаваніе онъ велъ только изъ любви къ преподаванію, такъ какъ при ничтожномъ вознагражденіи, получаемомъ привать-доцентами университетовъ, оно не приносило ему рѣшительно никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Сергѣй Ивановичъ былъ безкорыстнымъ работникомъ науки.

По окончаніи курса въ Академіи Сергѣя Ивановича началъ занимать вопросъ, далекій отъ его кандидатской темы—исторія русскаго духовничества, и въ 1908 г. въ трехъ книжкахъ „Богословскаго Вѣстника“ появилась его статья „Древне-русскаго духовника“. Былъ такимъ образомъ избранъ новый предметъ изслѣдованія, и, сдѣлавъ этотъ выборъ, Сергѣй Ивановичъ оставался вѣренъ своему „Духовнику“ до конца своихъ дней. Начавъ, однако, заниматься вопросомъ о древне-русскомъ духовникѣ, онъ встрѣтился съ вопросомъ о духовничествѣ въ Византіи, съ вопросомъ о вліяніи въ этомъ отношеніи византійской церкви на русскую и понялъ, что изслѣдованіе о русскомъ духовникѣ безъ предварительнаго изученія духовничества въ Византіи будетъ зданіемъ безъ основанія. Это соображеніе увлекло его на путь изысканій въ области исторіи византійской церкви, плодомъ которыхъ была книга „Духовный отецъ въ древней восточной церкви. Исторія духовничества на Востокѣ. Часть I. (Періодъ вселенскихъ соборовъ)“. Итакъ, къ древне-русскому духовнику Кіевской и Московской Руси надо было подойти долгимъ и труднымъ путемъ черезъ Византію. Въ мужествѣ и рѣшимости, съ которыми Сергѣй Ивановичъ вступилъ на этотъ долгій путь, видна отличавшая его и, можетъ быть, воспитанная въ немъ примѣромъ Голубинскаго черта—разъ его захватилъ нерѣшенный вопросъ, надо достигнуть его рѣшенія, изслѣдовать его до конца, проникнуть въ глубь его до основного материка, какихъ бы трудовъ это ни стоило, какого бы количества времени ни потребовало, съ какими бы затрудненіями въ видѣ подготовительныхъ изысканій ни было сопряжено. Сергѣй Ивановичъ—ученый, идущій на самопожертвованіе, лишь бы добыть драгоцѣнныя крупинцы знанія, добываніе которыхъ составляетъ весь смыслъ его жизни!

Съ византійскими юридическими памятниками Сергѣю Ивановичу уже приходилось соприкасаться въ кандидатской

работѣ, въ которой, въ меньшемъ масштабѣ конечно, онъ дѣйствовалъ тѣмъ же методомъ, ища связи въ отношеніяхъ церкви византійской и церкви русской къ рабству. Онъ былъ уже такимъ образомъ византійской исторіи не чуждъ, когда онъ теперь снова къ ней обратился, снова предавшись изученію текстовъ памятниковъ и огромной литературы предмета, приобретаая солидную эрудицію по византологіи. Онъ дѣлается свѣдущимъ византинистомъ.

Плодъ этихъ изученій—магистерская диссертация Сергѣя Ивановича была сочувственно встрѣчена критикой. „Всюду въ своей книгѣ“, писалъ о его трудѣ проф. Н. А. Заозерскій, „онъ выступаетъ изслѣдователемъ обстоятельнымъ, строго критическимъ и чуждымъ увлеченія и поспѣшности, и если книга его даритъ читателя новымъ освѣщеніемъ избраннаго предмета изслѣдованія, то на автора положиться можно безъ всякаго риска въ легковѣрїи“, — „Высокій интересъ книги С. И. Смирнова“, говоритъ другой оффиціальнй ея рецензентъ проф. Андреевъ, „обусловливается значительностью взятой имъ темы. Но значительность темы требуетъ широкаго пользованія источниками и пособіями. Добывать данныя для его выводовъ Сергѣю Ивановичу приходилось съ большимъ трудомъ, потому что они разбросаны въ литературѣ всего періода вселенскихъ соборовъ. Нерѣдко случилось ради одной цитаты читать цѣлый памятникъ. А сколько такихъ памятниковъ, которые прочитаны и не процитованы за ненахожденіемъ въ нихъ искомаго, это извѣстно одному автору. Настойчивые поиски его въ нѣкоторыхъ пунктахъ дали превосходные результаты. Затѣмъ авторъ долженъ былъ идти по пути, загроможденному спорами и непримиримыми разногласіями между изслѣдователями. Его тему кругомъ облегаютъ вопросы, на которые существуютъ только колеблющіеся отвѣты. Работа при такихъ условіяхъ требовала большихъ усилій, о которыхъ не всякій читатель можетъ догадываться,—и большого писательскаго такта. Солидное изученіе источниковъ позволяетъ автору чувствовать себя спокойнымъ и не горячиться въ отвѣтственныхъ пунктахъ работы, какъ это бываетъ при недостаткѣ нужной опоры въ цитатахъ. Въ его книгѣ много широкихъ выводовъ, и всѣ они осторожно выжаты изъ потребнаго количества свидѣтельствъ. Его синтезъ даетъ только то, на что уполномо-

чиваетъ его анализъ. Автора естественно могло искушать желаніе, какъ оно искушало другихъ на томъ же пути, прорваться къ главной цѣли своей путемъ болѣе легкимъ, напр., игнорированіемъ свидѣтельствъ, которыя тормозятъ и замедляютъ его заключеніе, но онъ не поддается этимъ искушеніямъ и предпочитаетъ путь медленный, но надежный. Широкое знаніе источниковъ дѣлаетъ аргументацію автора сильной и убѣдительною. Читатель остается во власти ея на протяжении всей книги“. И въ отзывѣ проф. Андреева отмѣчены тѣ же свойства изслѣдователя, о которыхъ говорилъ въ отзывѣ о кандидатской работѣ В. О. Ключевскій. Проф. Андреевъ отмѣтилъ далѣе и тѣ литературныя качества магистерской диссертациі Сергѣя Ивановича, которыя обнаружили еще въ его кандидатскомъ сочиненіи: „Обращаясь къ виѣшной сторонѣ, слѣдуетъ отмѣтить прежде всего, что изложеніе и планъ сочиненія отличаются чрезвычайною прозрачностью. Всѣ главные результаты работы заключены въ такія удобныя и точныя формулы, что содержаніе обширнаго изслѣдованія послѣ одного прочтенія удерживается въ памяти съ чрезвычайною легкостью и раздѣльностью—знакъ, что авторъ выносилъ и выстрадалъ всѣ вопросы темы въ полной мѣрѣ“¹⁾. Въ такой манерѣ писать книгу сказывался ученикъ Ключевского!

Въ изысканіяхъ по византійской церковной исторіи Сергѣй Ивановичъ ни на минуту не терялъ изъ вида руководящаго путеводнаго огня, не забывалъ о главной цѣли, къ которой онъ шелъ и для которой трудъ по византійской исторіи имѣлъ значеніе только подготовительнаго. Покончивъ съ этимъ трудомъ, извлекая изъ византійскаго прошлаго то, что ему было нужно для уясненія древне-русскаго духовничества, Сергѣй Ивановичъ могъ перейти къ своей главной давно намѣченной задачѣ и началъ работать надъ докторской диссертацией, имѣвшей предметомъ изображеніе древне-русскаго духовника. Къ этому періоду его дѣятельности относится мое личное знакомство съ нимъ. Въ 1908 г. я былъ избранъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи на кафедру русскаго гражданскаго исторіи, и Сергѣю Ивановичу поручено было Совѣтомъ вести со мною сношенія по этому дѣлу. Его сразу при

¹⁾ Журналы Совѣта М. Д. А. 1906 г. 89—99.

первомъ же свиданіи съ нимъ открывавшіяся душевныя качества, благородство и прямота его характера въ соединеніи съ необыкновенною скромностью не могли не завоевать симпатій къ нему, и встрѣча на жизненномъ пути съ Сергѣемъ Ивановичемъ была для меня встрѣчей съ однимъ изъ лучшихъ людей, которыхъ я знаю. Притомъ онъ былъ въ высшей степени интересный собесѣдникъ. Наши специальности близко соприкасаются одна съ другой, и бесѣда съ Сергѣемъ Ивановичемъ на научныя темы по русской исторіи въ широкомъ смыслѣ этого термина доставляла мнѣ большое наслажденіе и была всегда, благодаря его обширнымъ знаніямъ, полезна. Мы нерѣдко затрагивали въ этихъ разговорахъ вопросы, одинаково насъ интересовавшіе и интересомъ къ которымъ мы оба были обязаны общему нашему учителю В. О. Ключевскому: о колонизаціи сѣверо-восточной и сѣверной Руси славянскимъ племенемъ, о взаимодействіи между славянскими поселенцами въ Залѣсскомъ, Суздальскомъ краю и туземцами этого края финнами, о происхожденіи великорусскаго племени, о встрѣчѣ принесеннаго изъ Византіи на Русь христіанства съ славянскимъ и финскимъ язычествомъ. Вопросъ о взаимодействіи славянъ и финновъ былъ близокъ Сергѣю Ивановичу еще и по той особенной причинѣ, что онъ былъ родомъ изъ той мѣстности Владимірской губерніи, гдѣ напоминовеніе о нѣкогда обитавшемъ здѣсь финскомъ элементѣ сохранилось въ самомъ названіи того села „Большая Брембола“ Переяславъ-Залѣскаго уѣзда, откуда Сергѣй Ивановичъ происходилъ: онъ былъ сынъ священника этого села. Языческими вѣрованіями, съ которыми христіанство встрѣтилось на Руси, Сергѣй Ивановичъ съ интересомъ занимался, изучая создавшееся изъ этой встрѣчи въ русскомъ народѣ двоевѣріе по историческимъ памятникамъ и наблюдая его остатки въ современномъ намъ народномъ быту, въ особенности на своей родной сторонѣ, а эти наблюденія уводили Сергѣя Ивановича въ широкую область фольклора. Въ связи съ его интересомъ къ вопросу о взаимодействіи язычества и христіанства возникли статья о „Бабахъ бѣгомерзкихъ“, напечатанная въ сборникѣ статей въ честь В. О. Ключевскаго, и актовая академическая рѣчь. „Исповѣдь Землѣ“, произнесенная имъ въ 1912 г., въ которой это явленіе исповѣди Землѣ разсматривается какъ

пережитокъ языческаго культа. Не во всемъ можно было съ Сергѣемъ Ивановичемъ соглашаться, иногда приходилось съ нимъ долго и оживленно спорить, но и при несогласіи во взглядахъ нельзя было не уважать глубокой искренности его идей, нельзя было не цѣнить дышавшей въ каждомъ его словѣ горячей любви къ тому народу, исторіей религіознаго быта котораго онъ занимался.

Наши бесѣды съ Сергѣемъ Ивановичемъ сдѣлались особенно продолжительны и часты, когда мы оба очутились въ той обстановкѣ, которая особеннымъ образомъ къ нимъ располагала: на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Новгородѣ въ 1911 г. На этомъ съѣздѣ мнѣ пришлось присутствовать при публичномъ выступленіи Сергѣя Ивановича передъ большою аудиторіей. Сергѣй Ивановичъ вообще рѣдко и, видимо, неохотно выступалъ внѣ своей академической аудиторіи; но каждый разъ, когда онъ это дѣлалъ, онъ дѣлалъ это съ честью, являясь во всеоружіи своихъ знаній. Я былъ свидѣтелемъ двухъ его такихъ выступленій—на упомянутомъ Новгородскомъ съѣздѣ и затѣмъ въ томъ же 1911 г. 12 ноября въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. На съѣздѣ, въ первомъ же его научномъ засѣданіи, происходившемъ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Новгородскаго, былъ прочитанъ однимъ изъ членовъ съезда докладъ о епископѣ Новгородскомъ Нифонтѣ. Сергѣй Ивановичъ, превосходно знакомый съ вопросомъ, такъ какъ ему пришлось не мало поработать надъ обращеннымъ къ Нифонту „Вопрошаніемъ Кирика“, выступилъ съ рядомъ вѣскихъ, обстоятельно развитыхъ и необыкновенно ясно изложенныхъ возраженій, развертывая передъ внимательно слѣдившимъ за этимъ диспутъ многочленнымъ собраніемъ свою глубокую эрудицію въ исторіи русской церкви и древне-русской письменности. Чувство моего уваженія къ Сергѣю Ивановичу, какъ ученому, послѣ этого его выступленія возросло еще болѣе. Засѣданіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 12 ноября 1911 г. въ полугодовой день кончины В. О. Ключевского было посвящено его памяти. Сергѣй Ивановичъ прочиталъ тогда рефератъ объ извѣстной работѣ Ключевского о древнерусскихъ житіяхъ, какъ историческомъ источникѣ, и въ этомъ рефератѣ съ большою тонкостью прослѣдилъ и характери-

зоваль процессъ работы Ключевскаго надъ житіями. Чтеніе Сергѣя Ивановича, помню, произвело самое благопріятное впечатлѣніе на членовъ общества. Вдохновленный дорогою для него памятью того, о комъ шла рѣчь въ рефератѣ, Сергѣй Ивановичъ блеснулъ здѣсь своимъ талантомъ изслѣдователя. И въ этомъ случаѣ онъ выступалъ публично съ словомъ въ той области, съ которою былъ основательно знакомъ: онъ былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ житійной литературы; поэтому его слово по затронутому вопросу и было такъ авторитетно и цѣнно.

Работа надъ докторской диссертацией шла у Сергѣя Ивановича очень медленно, и я не разъ упрекалъ его въ этомъ. Но, когда въ началѣ 1913 г. вышелъ, опередивъ самое изслѣдованіе о древне-русскомъ духовникѣ, огромный томъ „Матеріаловъ для исторіи древне-русской покаянной дисциплины“, долженствовавшій служить приложеніемъ къ изслѣдованію, я повялъ, насколько мои упреки были неосновательны. Съ такою работой и нельзя было справиться въ болѣе короткое время. Этотъ томъ содержитъ тексты памятниковъ покаянной дисциплины съ примѣчаніями къ нимъ. Свое мастерство въ изданіи древняго текста, свое бережливое отношеніе къ каждой буквѣ такого текста Сергѣй Ивановичъ показалъ уже раньше, помѣстивъ тексты въ приложеніяхъ къ магистерской диссертаци и издавъ въ 1908 г. по случаю 400 лѣтія Троицкаго Данилова монастыря въ Переславль-Залѣскомъ житіе преп. Давиила Переяславскаго чудотворца. Но въ изданіи, о которомъ идетъ рѣчь, это мастерство доведено до высшей степени. Громадныхъ трудовъ стоило Сергѣю Ивановичу прежде всего самое разысканіе текстовъ по разнымъ бібліотекамъ и хранилищамъ рукописей. Большой внимательности, большей тщательности, большаго соблюденія всѣхъ научныхъ требованій въ самой техникѣ изданій нельзя и желать; изданіе „Матеріаловъ древне-русской покаянной дисциплины“ можно считать образцовымъ. „Существенное достоинство изданій, подобныхъ предлагаемымъ теперь „матеріаламъ“, писалъ въ своемъ отзывѣ официальный рецензентъ докторской диссертаци Сергѣя Ивановича проф. А. И. Алмазовъ, „это—возможно безупречная вѣрность оригиналу редактируемаго текста. На нашъ взглядъ даже самый характеръ опечатокъ, отмѣченныхъ у автора, такъ

неизбѣжно присущихъ печатнымъ изданіямъ, даетъ достаточное основаніе признать указываемую вѣрность... Другимъ достоинствомъ тѣхъ же изданій должно быть избраніе возможно исправнаго и наиболѣе ранняго оригинала для предназначеннаго къ печатанію памятника. Это условіе возможно соблюсти только при широкой освѣдомленности относительно рукописей, содержащихъ издаваемый памятникъ. Последнее несомнѣнно осуществлено авторомъ. Для настоящаго изданія онъ изучилъ рукописи не только извѣстныхъ публичныхъ библиотекъ и библиотекъ различныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, но и въ частныхъ собраніяхъ. Достигается поэтому и настоящее второе требованіе отъ изданія памятниковъ. Наконецъ, отъ изданій въ разсматриваемомъ родѣ всегда желательно и то, чтобы издаваемый текстъ по возможности былъ освѣщенъ и со стороны его разночтеній. Соблюдено проф. С. И. Смирновымъ и это тщательнымъ приведеніемъ вариантовъ по извѣстнымъ ему рукописямъ. Все это показываетъ, что настоящее изданіе потребовало отъ автора долгихъ и дѣятельныхъ исканій и такой же кропотливой работы¹⁾. „Замѣтки“ или комментаріи къ текстамъ, помѣщенные вслѣдъ за текстами, разрастаются иногда въ самостоятельныя и обширныя по объему изслѣдованія. Таковы, на мой взглядъ, наиболѣе выдающіяся по значенію замѣтки объ „Особой редакціи Вопросанія Кирика“ и объ источникахъ Вопросанія, а также замѣтка о Посланіи Іакова Черноризца къ ростовскому князю Дмитрію, въ которой образцово изслѣдованы вопросы и о личности писателя посланія и о личности князя Дмитрія, и о времени написанія памятника. Въ поискахъ за нужными ему текстами, сколько рукописей, сколько рукописныхъ сборниковъ Сергѣй Ивановичъ долженъ былъ пересмотрѣть, сколько рукописнаго матеріала признать при этомъ для его цѣлей непригоднымъ! Производя разысканія текстовъ по библиотекамъ и древлехранилищамъ, Сергѣй Ивановичъ сдѣлался знаткомъ не только памятниковъ древней покаянной письменности, но и памятниковъ древне-русской письменности вообще. Его имя стали произносить съ уваженіемъ въ кругахъ историковъ русской литературы. Помню, когда въ одномъ изъ засѣданій Историко-

¹⁾ Журналы Совѣта М. Д. А. 1914 г. 674—5.

филологическаго факультета Московскаго Университета зашла рѣчь о томъ, какія изъ объявленныхъ приватъ-доцентами практическихъ занятій принимать къ зачету, проф. М. Н. Сперанскій предложилъ признать таковыми объявленные Сергѣемъ Ивановичемъ практическія занятія по разбору церковныхъ памятниковъ, мотивируя свое предложеніе доводомъ, что на этихъ занятіяхъ студенты могутъ получить въ высшей степени полезное руководство по изученію памятниковъ древне-русской письменности. Это предложеніе было сочувственно поддержано специалистами по кафедрѣ русской исторіи и единогласно принято факультетомъ. Въ послѣдніе годы жизни Сергѣй Ивановичъ сдѣлался желаннымъ гостемъ въ недавно возникшемъ обществѣ для изученія исторіи русской литературы, объединившемъ преимущественно молодыя научныя силы, очень энергично и оживленно дѣйствующемъ подъ авторитетнымъ предсѣдательствомъ проф. М. Н. Сперанскаго. Сергѣй Ивановичъ выступалъ тамъ съ рефератами и съ удовольствіемъ посѣщалъ это общество.

Наконецъ, въ исходѣ 1913 г. вышло и изслѣдованіе Сергѣя Ивановича о древне-русскомъ духовникѣ. Обѣ книги: и изслѣдованіе, и матеріалы были представлены имъ въ Московскую Духовную Академію въ качествѣ докторской диссертациі. Для этой цѣли, строго говоря, было бы совершенно достаточно и тома Матеріаловъ, въ которомъ давались не только тексты, но и изслѣдованія текстовъ: но учепая разборчивость и щепетильность не позволяли Сергѣю Ивановичу подать въ качествѣ диссертациі томъ Матеріаловъ. Онъ все же находилъ его слишкомъ сырымъ; у него со словомъ „диссертациія“ соединилось понятіе о „разсужденіи“. Вотъ почему онъ и предпочелъ ждать докторской степени до осени 1914 г.

Я былъ назначенъ однимъ изъ рецензентовъ книги. Чтеніе диссертациі и составленіе о нихъ отзывовъ—тяжелая сторона профессорской службы, въ особенности диссертациі съ нижнимъ этажомъ, перегруженнымъ совсѣмъ ненужными и не идущими къ дѣлу ссылками, приводимыми съ единственной цѣлью выставить на показъ свою ученость или диссертациі непомѣрно растянутыхъ и многословныхъ, въ которыхъ на нѣсколькихъ стахъ страницахъ излагается то, о чемъ можно

было-бы, если бы только немного поработать мыслью, сказать на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ. Неудивительно, что назначеніе въ рецензенты диссертациі разсматривается какъ тяжелая повинность. Чтеніе книги Сергѣя Ивановича доставило мнѣ истинное наслажденіе. О ея литературныхъ достоинствахъ пришлось, не зная прежнихъ отзывовъ Ключевского и проф. Андреева о кандидатской и магистерской работахъ Сергѣя Ивановича, повторить по существу то же самое. Стройный планъ, ясная свѣтлая мысль, немногими словами выраженная, кристалльная прозрачность и изящная простота языка, мѣткость характеристикъ—вотъ литературныя свойства, дѣлающія изъ чтенія книги Сергѣя Ивановича скорѣе удовольствіе, чѣмъ трудъ. Тонкое чувство мѣры, это непремѣнное условіе литературнаго таланта, неизмѣнно руководило авторомъ и было причиной умѣнья о каждомъ затронутомъ предметѣ сказать то, что о немъ сказать должно, не меньше и не больше, чѣмъ слѣдовало, безъ ущерба для ясности и полноты и безъ излишества, затемняющаго суть дѣла. Разумѣется, литературный талантъ, какъ и всякое художественное дарованіе, былъ органически присущъ Сергѣю Ивановичу; но и при всемъ наличіи такого таланта, сжатость и точность изложенія и изящество формы требовали, надо полагать, отъ автора большого труда на внѣшнюю отдѣлку книги; безъ труда эти свойства никакому таланту не даются, и чѣмъ талантливѣе писатель, тѣмъ меньше онъ рѣшается выступать передъ публикой съ своими неотдѣланными черновиками.

Привлекало къ книгѣ и внутреннее ея содержаніе. Сергѣй Ивановичъ избралъ для изслѣдованія небольшой сравнительно вопросъ изъ исторіи церковнаго быта, но изучилъ его во всю его глубину, разносторонне при этомъ его освѣщая. Духовничество, какъ оно сложилось въ древней Руси, Сергѣй Ивановичъ считалъ не каноническимъ, а бытовымъ явленіемъ, и какъ бытовое разсматривалъ, обходя въ диссертациі законодательство о духовникѣ. Не воля церковнаго законодателя создавала древне-русскую дисциплину покаянія и ея органъ. Воля собора или іерарха вмѣшивалась въ отношенія духовнаго отца къ дѣтямъ, только разрѣшая отдѣльные частные казусы и внося въ эти отношенія только частичныя исправленія. Въ предисловіи Сергѣй Ивановичъ просить

читателя смотрѣть на его книгу только какъ на характеристику древне-русскаго духовничества съ бытовой его стороны, только какъ на изслѣдованіе по исторіи церковнаго быта. И читатель, дѣйствительно, найдетъ богатый матеріалъ по этой исторіи, слѣдя по книгѣ Сергѣя Ивановича за характеристикой духовника, за изображеніемъ организациі духовничества на Руси, за положеніемъ духовника въ древнерусскомъ обществѣ и его официальной дѣятельностью, за его нравственнымъ міросозерцаніемъ, за его учительной и дисциплинарной дѣятельностью и, наконецъ, за тѣми измѣненіями, которыя въ древне-русскомъ духовничествѣ были вызваны церковнымъ расколомъ XVII вѣка. Тѣ страницы книги, гдѣ для выясненія уровня нравственнаго міросозерцанія древнерусскаго духовника дается разборъ Вопросанія Кирика, гдѣ приводятся съ скрупулезной тщательностію собранныя извѣстія о нѣкоторыхъ выдающихся духовникахъ древней Руси и гдѣ даются характеристики духовнической дѣятельности виднѣйшихъ представителей раскола — Ивана Неронова и Аввакума, заслуживаютъ быть по силѣ блестящаго въ нихъ таланта особо отмѣченными. „Внимательный и тонкій анализъ текстовъ“, писалъ я въ официальномъ отзывѣ о книгѣ Сергѣя Ивановича, „научное безпристрастіе, умѣнье равномерно отмѣтить положительныя и отрицательныя стороны изучаемаго явленія, осторожность въ выводахъ, изящная простота языка и яркость образовъ, возвышающаяся до художественности—таковы цѣнныя качества работы С. И. Смирнова. Они даютъ намъ право считать его работу образцомъ историческаго изслѣдованія“.—„Авторъ поставилъ себѣ задачу“, говорилъ въ заключительныхъ строкахъ своего отзыва другой официальный рецензентъ проф. А. И. Алмазовъ, „научное освѣщеніе церковно-историческаго вопроса, еще затронутаго въ нашей духовной ученой литературѣ, вопроса притомъ особенной важности въ церковно общественномъ отношеніи. Для этого освѣщенія онъ съ рѣдкою обстоятельностью изучилъ матеріалы, относящіяся къ предмету его изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи онъ привлекъ къ выполненію своей задачи все выдающееся въ нашей научной литературѣ, такъ или иначе соприкосновенное съ предметомъ его изслѣдованія. Въ содержаніе такой изученной имъ литературы входятъ не только изслѣдованія въ области духов-

ной науки, но и изъ области вообще исторической науки, а сверхъ того и сырые матеріалы въ видѣ различныхъ изданій—историческихъ актовъ и каноническихъ памятниковъ. Не ограничиваясь этимъ, онъ, далѣе, непосредственно самъ изучаетъ для своей цѣли рукописные памятники церковной письменности. Благодаря всему этому, рассматриваемая книга заключаетъ въ себѣ дѣйствительно большой матеріалъ по предмету изслѣдованія. Этотъ матеріалъ, далѣе, автору приходилось извлекать съ великимъ терпѣніемъ, такъ какъ свойство избраннаго имъ для изслѣдованія предмета требовало отъ него внимательнаго отношенія даже къ отдѣльнымъ реченіямъ и словамъ въ изученныхъ матеріалахъ. Приложение того же матеріала къ выполнению работы дѣлалось съ поучительной точностью во всѣхъ случаяхъ. Результатомъ всего теперь отмѣчаемаго получилось дѣйствительно научное освѣщеніе ряда вопросовъ—и не только непосредственно вытекающихъ изъ поставленной авторомъ задачи, но и стоящихъ въ сторонѣ отъ него¹⁾. Бываютъ, касающіяся интересныхъ вопросовъ книги, по прочтеніи которыхъ хочется видѣть скорѣйшаго появленія другихъ изслѣдованій на ту же тему. Послѣ книги Сергѣя Ивановича въ скоромъ времени едва ли кому придетъ на мысль братья за тему о древне-русскомъ духовникѣ. Свѣта имъ пролитаго на этотъ вопросъ хватить на долго. Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія я узналъ осенью прошлаго 1915 г., что работа Сергѣя Ивановича нашла себѣ высокую оцѣнку въ нашемъ высшемъ ученомъ учрежденіи, въ Императорской Академіи Наукъ. Она была удостоена большой Уваровской преміи.

Такъ завершены были Сергѣемъ Ивановичемъ три обязательныя стадіи въ движеніи русскаго профессора. На нихъ и оборвался его ученый путь. Его ученое имущество тремя обязательными книгами однако не ограничивалось или, лучше сказать, не выражено было въ нихъ все. Въ работѣ надъ тремя диссертациями и въ попутной работѣ по поводу и для диссертаций приобрѣтена была обширная эрудиція, собранъ былъ значительный запасъ знанія, и Сергѣй Ивановичъ въ послѣдующіе годы могъ бы пускать его въ научный оборотъ. Жить даже процентами съ приобрѣтеннаго запаса. Безполезно

¹⁾ Журналы Совѣта М. Д. А. 1914 г., 619, 673—4.

судить о томъ, какъ могъ бы онъ его еще приумножить, если бы его жизнь не пресѣклась такъ быстро. Онъ говорилъ мнѣ не разъ, что думаетъ объ изданіи второго тома собранныхъ имъ памятниковъ, что вернется опять къ византійской древности, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что при отличавшемъ его трудолюбіи и настойчивости онъ осуществилъ бы эти намѣренія и сдѣлалъ бы еще многое другое, полезное для русской науки. Русской наукѣ во многомъ приходилось брать за образецъ западно-европейскую. Къ сожалѣнію только русскіе ученые не подражаютъ своимъ западно-европейскимъ коллегамъ въ долготѣи. Долгіе годы принесли бы и многіе плоды. Но что говорить о томъ, когда этого не случилось!

Въ лицѣ Сергѣя Ивановича передъ нами скромной неторопливой поступью прошелъ безкорыстный и честный работникъ науки, одаренный и трудолюбивый изслѣдователь, мужественно вступавшій въ обширныя погруженныя во мракъ дебри неизвѣстнаго, внося въ нихъ своею работою свѣтъ знанія, потомокъ древне-русскихъ великороссовъ поселенецъ его родного Залѣскаго края, скромно, безъ крика о себѣ, но настойчиво и трудолюбиво просѣкавшихъ первобытный темный лѣсъ, чтобы на разчищенныхъ мѣстахъ распахать плодоносныя нивы. И Сергѣй Ивановичъ недолго, но добросовѣстно и плодотворно потрудился на русской научной нивѣ, и только тяжкая смертельная болѣзнь пахаря оставила полосу его недожатой. Въ этой добросовѣстности его работы, въ проникавшей каждый его трудъ ясности мысли не сказывалась ли его чистая и честная душа, которая всегда свѣтилась такимъ тихимъ и ровнымъ свѣтомъ въ его серьезномъ, задумчивомъ, немного грустномъ, но всегда прямо смотрѣвшемъ на собесѣдника взорѣ?

М. Богословскій.
